

Песочные часы

Повесть в рассказах

По городу на велосипедах

ПО ГОРОДУ на велосипедах. Он впереди, я за ним. Прохожие оборачиваются и провожают нас долгим взглядом. Я такая тоненькая, юная, с развевающимися на ветру длинными русыми волосами. А он впереди — вдвое старше меня, рослый, по-своему красивый, а по-моему, верхом на велосипедной трапеции напоминает большущего кота, у которого от проносящихся с ревом машин спина выгибается колесом. Рюкзак его под тяжестью свесился, и торчат из него над самой головой — кто бы ожидал — две огромные окаменевшие ручищи, с застывшим жестом голосующих! Он «за», всегда «за» — и даже сверх того! Не верите, оглянитесь, посмотрите, разинув рты. И прохожие действительно оборачиваются, изумленные. Будто никогда не доводилось видеть полный зал вскинутых для голосования рук. У парня две собственные и за спиной заготовлена пара гипсовых. Представляю: встанут, развернувшись во весь тротуар, как тихоокеанские корабли на рейде, — и смотрят, и смотрят. А тут я следом проезжаю. И у

меня к багажнику обычной бечевкой приторочена голова Аполлона. Говорила, нужно было во что-то завернуть, но не нашлось подходящего пакета. Хорошо еще, что от головы Дорифора отказалась. Мне такого не потянуть. Слишком большая и тяжелая. А он уж на маску Давида засматривался. Зато фрагменты головы гигантского микеланджеловского Давида, каждый в отдельности — нос, ухо, глаз, — завернул в плотный ватман старых ученических рисунков и уложил себе в рюкзак. Потому и руки-крюки наполовину поместились, вот и торчат они за спиной, создавая ложное утверждение тому расхожему месту, откуда растут. Мы крутим педали, шины с шорохом шуршат упругой резиной, и обгоняющие «мерседесы» игриво сигналият, из бронированных окон высовываются горячие парни и машут руками, что-то кричат со смехом.

Но Мухин злобствует, скрипит зубами и недовольно покачивает головой. Уж мне-то известно это покачивание из стороны в сторону. И выражает оно особого рода недовольство, когда твой рисунок или акварель — по его выражению — чистой воды пустое место. С такими результатами только в кружок самодеятельности, а не в архитектурный. И потому на веселые призывы молодчиков из черных мерседесов он по учительской привычке строго реагирует как на

«пустое место», пустое место в конкретном эпизоде переезда из художественной школы ко мне на квартиру. И я, вращая педали, в буквальном смысле догоняю его ворчание и молчаливо присоединяюсь к мудрому мухинскому совету поменьше смотреть сериалы про маньяков и про разные мерзкие всякости с «расчлененками». Мне бы научиться сносно рисовать, а? Да наконец успешно сдать хоть в этом году экзамены. Зря, что ли, Бог послал мне на улице моего старого ворчливого Мухина.

Песочные часы

— А ПОЙДУ-КА я в свой чуланчик, — обычно приговаривал дед, поднимаясь из-за стола.

Чуланчиком он называл небольшой домик, нечто вроде утепленного сарайчика или засыпушки. Здесь он любил мастерить всякие поделки, и потому в чуланчике стояла устойчивая смесь запахов сосновых опилок и стружки, столярного клея, и какого-то особенного лака, секрет которого, как вздыхал дед, некому передать, и при этом горестно поднимал очки на лоб.

— А я на что? — тогда восклицала я, дедушкина «стрекоза», восторженно округляя пострекозиному глаза.

Но дед, как будто удивившись мне, вдруг вооружил грубой ладонью волосы — это у него называется, погладить ребенка по голове.

— И правда что, — то ли шутливо, то ли резонно задавался вопросом. — Кто мне помогает в работе, разве Сережка? Так нет его. Ключ какой подать или инструмент — внучка! Сережка-то и названия не знает. Долото от стамески не отличит. Вот, к примеру. Танечка, что это?

И я бойко отвечаю:

— Мо-ло-ток!

— Правильно, молоток! А Сережка бы назвал его стуколкой. Вот ведь, какая отчаянная башка у него. Видишь, что натворил?

И достает с полки старинного стеклянного литья спаянный из двух сосудов предмет, напоминающий песочные часы. Только он был пустой, без песка.

— Где, спрашивается, песок? — задается вопросом дед, и в голосе его звучат строгие нотки. — Нет песка! А все Сережка со своим аквариумом! Мало ему, паршивцу, песка во дворе, так сходи на речку, начерпай ведром, намой, кварц — он всюду кварц! Неужели его рыбки нуждались в точно подобранном мерном песке вот этих часов? Песчинка к песчинке, одна к

другой подбирались столетие назад по калибру, чтобы не застряла какая в узком стеклянном горлышке! Не приведи Господь! Остановится тогда время, не часы, нет, а само течение времени! — И поднимает вверх ради важности философского понятия указательный палец. — Вот и встало время. Знамение? Скажешь — нет? А вот канул в Лету часовой песочек ради пустой забавы. Старинный предмет вышел из строя часовых дел неизвестного мастера. А ну-ка, помоги мне, — и достает из шкафчика сито, которое бабушка с ног сбилась, а найти нигде не может. — Держи. Я буду песок сыпать, а ты ровно держи над миской и потряхивай, видела, как муку просеивают?

Я согласно закивала и взялась обеими руками за сито. Дед вышел и скоро вернулся с тазиком серого песка.

— Да не напрягайся так, я понемногу сыпать буду, — надел очки и стал рассматривать песок, будто крупу, тыльной стороной руки разгребая, и покачивает так недовольно головой. — Промывал его, промывал, а все пуху да сору нанесло. Зря на солнышко сушить поставил. Ну, да все просеем с помощью моей помощницы внучки. Эх, что бы я делал без своей «стрекозы». И все будет в полном порядке.

А я улыбаюсь, вижу, как дед лукавит, нарочно меня захваливает, да только я не маленькая, все понимаю.

— Хитри, хитри, дедуля, да только меня не уговоришь сидеть все каникулы возле твоих часов.

— Это зачем же? — удивился дед и вытаращил глаза вверх очков.

— А затем, чтобы сверять время твоих песочных часов вон с теми, что на твоей руке! А как ты узнаешь, сколько песку насыпать в эти банки?

— Ох, и дети пошли смысленные! — полушутя вздыхает дед. — А я-то и правда, хотел ответственным часовым внучку назначить, да видно, ничего у меня из этой затеи не получится. Самому придется мерить песок. На глазок-то я помню, сколько его было, да ведь нужно, чтобы точно...

Когда просеяли песок, я уже собиралась бежать по своим «стрекозиным» делам, как вдруг дед и говорит:

— А хочешь, внучка, мы с тобой один фокус сделаем?

— Какой такой фокус, дед?

— А вот какой. Видишь, — и дед пропустил сквозь пальцы струйку песка. — Для этих часов песок особый нужен. Чтобы песчинки без помех сыпались сквозь узкое отверстие ровно один

час, для этого необходим крупный песок. Мелкий-то он быстро проскочит. Потому используют его для минутных мер. А здесь видишь, песок зернистый, редкий песок. Потому он Сережке и приглянулся. А мы с тобой вот что сделаем. Есть у меня одна бижутерия, камушки такие стеклянные, — выдвигает ящик стола, достает жестяную коробочку и показывает точь-в-точь такого же размера, что и песчинки, с десятком красных и синих граненых стекляшек из старой бабушкиной брошки.

Дедушка покатал непослушным пальцем бижутерию, а потом пинцетом подцепил красный камушек, поднес к окошку, и он засветился ярким рубиновым лучиком.

— Нравится? Предположим, что это ты. А вот этот синий — положим — буду я. Смешаем наши два камушка с остальным песком. И насыплем в стеклянную колбу. За час, пока пробежит песчаная струйка, будет прожита человеческая эпоха. Условно, конечно. Так сказать, обобщенно! Настоящая мера песка в этих часах будет символизировать само человечество. Вот и посмотрим за нашими камушками, когда они проскользят, когда блеснут красной и синей искорками. Договорились?

И все же тогда я была маленькой, не сразу сообразила про дедушкину хитрость. И сказала, что договорились. Дед достал для меня табурет, я уселась за стол, на котором стояли приготовленные песочные часы, а рядом механические дедушкины, которые он снял с руки. Выждали, пока большая стрелка не совместилась с цифрой двенадцать, а секундная не догнала ее, и тогда дед проворно перевернул песочные часы, и струйка серого песка заскользила сквозь узкое отверстие в совмещенных стеклянных колбах. Часы стояли напротив окошка, и песчаная струйка перетекала мутным ручейком. Так терпеливо просидели мы, в ожидании увидеть яркие искорки красного и синего, пока не упала последняя песчинка. Мы с дедом переглянулись.

— Не заметила, когда проскочил твой красный?

— Нет, не заметила, — виновато ответила я.

— И я своего не заметил. Песочку здесь больше чем на час. Надо бы отсыпать.

Дед раскрыл колбу и отсыпал по его мерке лишний песок. Затем тщательно развеял его по листу белой бумаги, чтобы ненароком не удалить «нас из процесса жизни», как выразился дед. Нет, наши камушки, красный мой и синий деду, оставались в общей массе песка.

Едва уселись, вбегает моя подружка Катя. Она младше меня на целый год, только осенью пойдет в школу. Но мы все равно подружки. Так вот, вбегает она, запыхавшаяся, и почти что кричит, тихо разговаривать не умеет.

— Тань, ты идешь? Тебя все ждут!

— Ну что, «стрекоза», — вдруг обернулся на меня дед, — побежишь по своим делам или останешься наблюдать? Можешь бежать, чего я тебя буду задерживать по пустякам.

— Кать, мне некогда, — развожу руками, — у меня дела.

— Ну, как знаешь, — обиделась та и удалилась, надув губы.

— Остаюсь, дедуля, — расстроено согласилась я.

Дед пожал плечами: как знаешь. Уселся рядом на скрипучую табуретку, перевернул колбу, и время побежало, будто песок между пальцев, тонкой стежкой, а мы сидели, замороженные, боясь пропустить мгновенный проблеск — казалось бы — яркие искры наших камушков, олицетворявшие нас в общем процессе жизни. Но песчинки падали до самой последней, а заметить свой особенно красочный луч в общем потоке — ни мне, ни дедушке не удалось.

Дня через два я забежала в дедушкин чуланчик и увидела его все так же сидящим перед песочными часами. Не оборачиваясь на меня и даже не отвлекаясь от скользящего песка, он, будто догадавшись, что это я, а не Сережка забежал, вдруг произнес — не без печали:

— Смотрю я, смотрю, очки на мне, а заметить наши песчинки не могу. Уж время точное отмерил, час в час, как положено, до самой малой секундочки, но вот пролетает он, этот час, а где мы сами в этой мешанине, в этой стеклянной воронке... И ведь проверял, два камушка — красный и синий — на месте, в общем потоке... А следа, чтобы отчетливо заметить, когда они яркими искорками блеснут — такого нет, и честно признаюсь, увидеть так и не удалось... А ты беги, «стрекоза», беги по своим стрекозиным делам, видишь оно как... Проскользит так песочек и не заметишь...

Снежная королева

ЛУЧШЕ ВСЕГО МОРОЖЕНОЕ есть зимой. Оно не тает, как летом, не норовит убежать меж пальцев, склеивая их сладким молочным сиропом. Опять же торопиться некуда, в спешке заглатывая подтаивающие кусочки — так недолго и до ангины. А зимой хорошо, солнечно и морозно, можешь хоть целый час есть один брикет: ни мух тебе с осами, ни назойливых пчел. Идешь себе и ни о чем не беспокоишься. И сладостно на душе. Скоро Новый год. Навстречу попадают затаренные под завязку, но до них тебе нет дела. У каждого свой праздник. Главное, чтобы он был в душе. И трудно понять тех, кто тащит, а то и волочет связанные по всем лапам плененные елки. И нет на этих управах. И разве связанные бечевкой елки не являются скрытой пропагандой насилия? Надо бы спрашивать у знакомого юриста. Скрытую рекламу они признают, а как насчет скрытой пропаганды? Этим лучше всего при встрече укоризненно покачать головой. Ай, ладно, прошли уже...

Выхожу на главную площадь, издали возвышается высокая ель. Это ее ночью доставили из леса. Днем такие дела не делаются. Двое рабочих в оранжевых куртках, свесившись с двух сторон из люлек подъемников, развешивают цветастые бумажные и электрические гирлянды, вкручивают лампочки. В стороне тюкают топоры, стучат молотки. Это наспех монтируют сцену и деревянную горку. Чего не сделаешь ради общей потехи. Днем на площади народу немного, но то ли будет вечером, когда вспыхнут уличные фонари. А сейчас разве что мелюзга с продрогшими в сторонке родителями празднично любопытствуют возле ледовых скульптур. Посмотрят на ваятелей-мастеровых и передернутся от озноба, скорей бы домой, согреться горячим чаем. А каково умельцам-скульпторам? Эти всеми днями на морозе крошат ледяные глыбы да сращивают их ледяной водой. Обхожу чистой воды льдистые стены замка, сложенные из прозрачных блоков, сквозь арку вижу на высоком троне — не иначе — Снежную королеву! Подхожу ближе, так и есть! Но неожиданно мое внимание почти произвольно отыскало нечто более знакомое. Приглядываюсь к одному из ваятелей, хлопаю ресницами:

— Витька, ты? Баранников!

Парень поднимает голову:

— Королева? Таня, — и растерялся, хоть бы улыбнулся, что ли!

— Витька, что ты здесь делаешь?

— Поднимайся ко мне, — и показывает рукой, где обойти.

Я забралась по лестнице на деревянный помост рядом с тронем Снежной королевы.

Удивительная схожесть: точь-в-точь, как из старого мультфильма. Тот же гордый поворот головы, холодный высокомерный взгляд повелительницы зимней стужи. На голове айсберг ледяной короны, а сзади стоячий торос ворота искристого плаща. Как стеклянная глыба, сквозь которую можно видеть изгибающийся в конвульсиях проползающий троллейбус.

— Давно не встречались.

— Давненько, — согласилась я. — Чего в хужу не заходишь?

— Некогда. Готовлюсь поступать.

— Опять?

— Не опять, а снова.

— Ты упертый, будешь поступать, пока не поступишь.

— Это точно, — протяжно вздыхает. — А ты куда после школы?

— Пока не знаю, может, на юридический.

— И стоило ради этого у Мухина учиться.

— Не всем же архитектурный штурмовать из года в год.

— А ты поспрашивай в библиотеке что-нибудь про архитектуру Гауди, потом поговорим.

— Гауди, говоришь? Хорошо, спрашиваю. Хочешь мороженое? У меня с собой еще один брикет.

— Нет, спасибо.

Неожиданно в нашу беседу вклинился посторонний:

— Нам бы чего погорячее! — хохотнув, издали крикнул бородатый дядька, из ведра поливающий прозрачного ледяного медведя, в природе называемого белым.

— Это Семеныч, отменный скульптор. Вообще-то я здесь случайно, могли бы и не встретиться. По объявлению искал работу. Пригодились навыки. Помнишь, как на перемене вместе с Мухиным лепили снеговиков?

— Еще бы не помнить! А потом в снежки играли. И мы всегда, между прочим, побеждали! Хоть против нас целая гурьба!

— Легко побеждать в команде Мухина.

— Допустим, а сам-то ты с какой стороны обычно находилась?

— А говоришь, все помнишь.

— Помню! Все помню! — запальчиво возразила я. — Но тебя как-то смутно.

— Еще бы! — с какой-то непонятной насмешкой ухмыльнулся Витька.

— Зато теперь у нас скукота. Одни малявки.

— Да, прежде веселые были времена. А помнишь, как Мухин на московской выставке в ЦДХ иностранцам распродал наши акварели?

— Помню. Мне тогда лет двенадцать было. Видел бы ты моих родителей. Таких денег даже отец не за каждую картину выручал, а тут какая-то детская акварелька!

— Слушай, Тань, выбрось мороженое, а? Не могу смотреть, как ты его ешь на морозе.

— А мне нравится.

— Холодно же.

— А мне жарко. В детстве украдкой от мамы горстями поела снег, а если она ненароком замечала, выбивала из рук и сердилась, а я ревела на всю улицу: «Какая ты жадная, мама, тебе даже снега и того жалко!».

— Не думаю, что твоя мама жадная.

— Нет конечно, я ведь это говорила из обиды, как ребенок, которому запрещают сладкое.

— Холодное не может быть сладким.

— Да ты что, Витька? Ой, а ведь ты замерз.

В лице ни кровиночки, и зубы стучат.

Издали Семеныч отставил ведро, и оно брякнуло пустотой:

— Виктор, а ну, повернись ко мне! Так и есть, продрог, не хватало, чтобы заболел.

— И ничего не продрог...

Но Семеныч на Витькино вялое возражение лишь недовольно качнул рыжей бородой и куда-то удалился. А вскоре вернулся с овчинным тулупом и термосом. Поднялся к нам по скрипучей лестнице, накинул тулуп на Витькины плечи, хоть тот и хорохорился, затем, не спуская с него строгих назидательных глаз, свинтил колпачок с термоса и налил в него дымящийся горячий чай.

— На-ка вот, — ткнул ему в руки, — и пей мелкими глоточками. Я туда немного бренди плеснул. Пей, и без возражений! А вы бы, Татьяна, извиняюсь, конечно, за простоту, действительно, убрали куда свое мороженое, а то и меня, глядя на вас, озноб прошибает.

— Ну и ладно, — нисколько не обидевшись, согласилась я и, осмотревшись по сторонам, куда бы выбросить остатки мороженого, ничего не могла найти лучше, чем собственный пакет.

Внезапно Семеныч смешно проплепал мясистыми губами, задвигал рыжей бородой, сдвинул мохнатые гусеницы бровей и стал внимательно ко мне присматриваться, ворочая из стороны в сторону меховой облезлой шапкой.

— Чего? — смутилась я.

— Погоди-ка, погоди, — спохватился он, с прищуром заглядываясь то на меня, то на возвышающуюся голову Снежной королевы. — Одно лицо! — вытаращил глаза. — Молодец, Виктор! А я-то думаю, чью карточку он держит перед собой. А оно вон что, со своей подружки ваял! И выбор твой одобряю, молодец!

Витька побелел пуще прежнего:

— Чего вы, Антон Семеныч, выдумываете, — прикусил нижнюю губу и пристыженно отвернулся.

— А ничего не выдумываю. Вы, Танечка, попросите, чтобы он вытащил фотокарточку из кармана. Вон из того, куда только что руку сунул. А ты, юноша, не тушуйся, нечего стесняться хорошей работы! Это я тебе говорю — Поликарпов Антон Семенович, отменный скульптор, член Союза художников!

— Антон Семеныч, — укоризненно произнес Витька. — Ну что же вы!

Поликарпов поднес к бороде свекольного цвета кулачок, так что тот побледнел на костяшках, подкашлянул в него и предпочел бочком, бочком — от нас — и вниз по лестнице.

А я стояла и с неожиданным для себя любопытством по-новому рассматривала лицо Снежной королевы. Из-за того, что оно было вырублено из полупрозрачного льда и отполировано до стеклянного блеска, трудно было с точностью утверждать, будто оно похоже на мое. Хотя, не скрою, определенное сходство имелось. Или, может, в тот момент всякое могло показаться. И потом, мне ничего не оставалось, как принять на веру слова Поликарпова Антона Семеновича. Ведь он профессиональный скульптор, ему виднее, не правда ли? Не могу признаться, что это обстоятельство меня обидело, но и не обрадовало.

— Что это значит, Вита?

Обычно я его называла Витькой, как все. Впервые почему-то я его назвала как маленького, хоть он и старше меня намного. А он отмалчивался. Отхлебывал чай и молчал.

— Что у тебя в кармане, покажи.

Он нехотя снял зубами рукавицу и полез в карман. И все так же отрешенно, не глядя на меня, протянул клочок бумаги. И правда, чуть помятая бумага оказалась моей летней фоткой.

— Откуда у тебя моя фотография?

Витька молчал. Горячий чай начинал на него действовать, щеки его слегка покраснелись.

— Чего молчишь? Я тебе своей фотографии не давала, где ты ее взял?

Внезапно Витька повернулся ко мне и злобно уставился прямо в глаза. Перемена в его настроении меня изумила.

— Ты чего?

— А ничего! Ты, Королева, какая-то особенная, диву даюсь, такая же холодная, как эта Снежная королева! Вот я и подумал, почему бы тебе не занять ее место! С кого еще я мог срывать ее портрет, как не с тебя!

— Ты, Витенька, совсем сбрендил, да?

помутилось, и чувствовала, как по щекам безудержно катились крупные жгучие слезы. За что он так!

Уже перед самой остановкой меня нагнал Витька и стал невнятно оправдываться, просить прощения, но мне до него — как и до остальных — не было дела. Я села в троллейбус с единственным желанием никогда больше с этим типом не встречаться. Ни-ког-да!

Котенок

Я ПРИНЕСЛА ЕГО домой маленьким котенком. Тельце у него было тоненьким, дрожащим, и пищал он нещадно, отчего, как я догадываюсь теперь, мои родители с первого взгляда не возлюбили его. Не однажды что-нибудь натворив, котенок бежал не в дверь, спасаясь, а в комнаты, где прятался за мной и с опаской выглядывал на разгневанных родичей, после такой картины, посмеявшись, его оставляли в покое. Дома котенку я налила молока и рассматривала его, пока он сначала с недоверием, а потом с жадностью принялся лакать розовым язычком из блюдца. Шерстка на нем, редкая и неровная, серая, в темную полоску, топорщилась стоймя во все стороны, и мордочка с узким носом и огромными серыми глазами не могла ничего вызвать, кроме жалости. Даже усы не спасали. Я подобрала его на улице, мяучившим и выглядывавшим из подвального окна. Так и быть, решено, тебе, котенок, нужно подобрать стоящее имя. В качестве аванса я буду называть тебя Барсиком. А когда вырастешь — станешь настоящим Барсом. Но это — когда вырастешь. А пока — ты котенок. Расти большим, отважным и красивым. Но даже будучи взрослым большущим котом, он с готовностью откликался на «котенка». Спит ли калачиком на стуле, но только скажешь: «Котенок», — как ушки его, словно локаторы, оборачиваются в твою сторону. Хочешь ли угостить его чем-нибудь вкусеньким, достаточно крикнуть: «Котенок, а вот рыбка для тебя!». И он тяжелой поступью мчитя со всех лап невесть откуда.

Пока был маленьким, на улицу его не заманишь. Но чуть подрос, и сам стал засматриваться за дверь, робко выглядывая наружу. Территорию осваивал осторожно, если не боязливо. Сначала не дальше собственной тени — и назад. Затем чуть смелее, вызывая у себя мужественную решимость для каждого следующего шага, подолгу задерживая лапку на весу. Освоил площадку перед домом, а из-за угла за ним уже наблюдала наша кавказская овчарка Афина. Мол-

— Из-за тебя я не могу появиться в художке! От тебя холодом веет, как от этого куска льда. Снег она поедает горстями. Да ты и есть Снежная Королева!

— Постой, постой, ты чего на меня напустился, что я тебе сделала такого?

— Ничего, ничего не сделала! А я еще удивился сегодня, с чего ты вдруг сама подошла ко мне. Никогда не замечала, а тут на тебе! Да при твоём появлении у меня будто ледышка в сердце вошла! Иди лучше себе, уроки учи! Прилежная ученица!

Еще некоторое время при полном молчании мы смотрели друг на друга. Должно быть, глаза мои округлились от удивления, я не могла усвоить причину, по которой Витька так резко переменялся ко мне, а у него брови наползли на лоб, сократив его волнистыми складками, и сам он застыл неподвижно, не хуже ледовых скульптур.

— Не иначе ты себя Каем возомнил, сказок обчитался. Ну и оставайся со своей ледышкой в сердце, Кай неприкаянный!

Ничего не соображая, а потому и не отвечая за свои слова, я спустилась по деревянной обмороженной лестнице и пошла прочь. О чем я думала на ходу — не помню. Да и могла ли думать. И лишь достаточно отойдя от площади, вдруг дала волю эмоциям, признаться, дальше не смогла сдерживать себя. Незаслуженная обида прихлынула к глазам, передо мной все

ча наблюдала, по-старушечьи склонив набок косматую седую голову. Она у нас умная собака, даже цепью не звякнула. Но для Котенка внезапно обнаружить такую страшилищу перед собой явилось делом вовсе не шуточным, а скорее серьезным испытанием. Его реакция оказалась незамедлительной: он грозно зашипел и выгнул спинку. Кто бы мог предположить, насколько опасным хотел казаться маленький тщедушный котенок. И если бы у Афины были уши, она бы ими даже не повела. Уж кому-кому, а ей-то давно стало известно о новом писклявом постояльце. Вскоре они подружились, вместе грелись на солнышке, и Афина покровительственно облизывала Котенка, а он милостиво подставлял для расчесывания бока и самодовольно зевал во весь рот.

Подросши, чего и стоило ожидать, Котенок перестал довольствоваться ограниченным пространством двора. Его все больше стали привлекать чужие заборы и высокие тополя вдоль улицы. И так случилось, что однажды на его пути встал дерзкий соседский рыжий кот Чубайс с вечно злыми сощуренными глазами, известный на всю округу драчун и забияка. Котенок перед ним оробел, как юноша-скрипач, внезапно оказавшись перед пьяным портовым грузчиком. И рыжий не преминул показать весь свой дурной нрав. Мой Котенок бежал опрометью, покусанный и до крови расцарапанный, а за ним по воздуху, мешаясь с тополиным пухом, летела серая шерстка клочками. Через неделю, зализав раны, Котенок с грустью стал заглядываться с забора на манящий простор улицы. Но стоило ему спрыгнуть на травку, как тут же неизвестно откуда появлялся рыжий Чубайс. То ли он его караулил, то ли в характере этого негодяя подстерегать слабых и беззащитных, но только, как и в первую их встречу, мой Котенок без задних лап и во весь опор улепетывал, изрядно потрепанный и на смерть запуганный.

Но природа во всем предпочитает равновесие. И если однажды серьезно познакомила с безжалостным врагом, то в другой раз предоставила в друзья любознательного щенка и добродушного поросенка. Эту странную парочку Котенок обнаружил в соседях далеко от злополучной улицы, за покосившимся старым дощатым забором. То есть там, где Чубайс в принципе не мог появиться. Сначала Котенка заинтересовал небольшой черный лохматый щенок по кличке Клякса. Они что-то покрутились на месте, встретившись, обнюхивая и осматривая необычные формы тела друг друга, а затем к ним высунулся из-за серой некрашеной двери сарая

розовый подвижный пяточок Хрюшки. Хрюшка оказался раз в пять крупнее и круглее щенка Кляксы, а уж про Котенка и говорить нечего. Мелкий шмакодявка. А все же друг. Хрюшка не прочь был подружиться с кем-нибудь. В темном сарае ему было скучно. Об этом он простодушно пожаловался. А щенка его облял за неповоротливость, как с таким водиться. Котенок обстоятельно обошел вокруг поросенка и согласился, ладно, пусть остается.

А дальше — что вытворяли котенок, щенок и поросенок — выходили на крыльцо смотреть и мои родители, и престарелые хозяева поросенка со щенком из соседнего дома. Смотрели и удивлялись. Такое и в цирке не увидишь. Наш мелкий котенок гонял по кругу щенка с поросенком. А те улепетывали от него — поросенок с повизгиваниями, щенок со звонким лаем. Затем менялись: уже щенок гонялся за котенком с поросенком. Один поросенок позволял гонять себя и лохматому черному щенку, и мелкому тщедушному котенку. В таких играх они проводили почти каждый день. Что доказывало разумность их отношений. А говорят, будто животные руководствуются одними инстинктами.

К концу лета Котенок заметно подрос. Из мелкого тщедушного «нытика» он превратился в крепкого молодого кота, шерстка его стала

плотной и гладкой, а под ней чувствовалось плотное, упругое тело. Игривый нрав его оставался отличительной чертой характера. Он мог часами забавляться шнурками, выдергивая их из обуви и спутывая в клубочки, или раскатывать по дому мелкие зеленые помидоры, выложенные на газетах для созревания. Однажды дедушка поклялся, будто Котенок лапкой выбирал гвоздики из россыпи на верстаке и подгонял их ближе, чтобы дедушке было удобно брать каждый в отдельности, когда тот что-то там мастерил у себя в чуланчике. И на улицу Котенок стал выходить, когда вздумается. Погнался как-то за ним Чубайс, а наш заметался в растерянности по улице, бегаёт из стороны в сторону, бегаёт, довел Чубайса до бешенства, а затем взял и юркнул в заборную дырку. Чубайс за ним, а наш — шмыг за Афины — и выглядывает! Так дурной Чубайс со всей прыти и угодил в лапы Афины. Больше Чубайса на улице никто не видел. И вместе с его исчезновением прекратились наконец-то истошные кошачьи вопли и завывания.

Попробуйте теперь повторить за кем-нибудь, будто животные ничего не смыслят и живут одними инстинктами. Получится ли? А у каждого-то — свой характер. Вот так.

А еще говорят, если бы животные получали удовольствие от страданий других, они бы поступали совсем по-человечески.

«Стрекоза»

СЕРЬЕЗНОЕ ДЕЛО МОЖНО доверить только лучшей подруге. Несколько дней мы корпели над листом ватманской бумаги. Трудней всего давались буквы. Ладно, я еще перешла во второй класс, а Катя — подготовишка, едва читать-писать умеет. Но старательно обводит карандашные каракули акварельной кисточкой, от усердия ворочая по губам языком. А я как старшая выполняю более квалифицированную ответственную работу: раскрашиваю во весь лист зеленую-презеленую стрекозу с двойными радужными крылышками. Готовый плакат мы прикрепили кнопками на улице прямо к забору. И каждый, кто проходил мимо, мальчишка ли с бидоном или взрослый с авоськой, останавливался и читал: «Сиводня в 6 часов вечера состоится концерт ансамбля песни и пляски «Стрекоза»!». А мы наблюдали из кустов, довольные, и посмеивались. Потому что прохожий, если это был взрослый, доставал очки и склонялся к афише ниже, где более мелким шрифтом имелась приписка со всеми детскими

ошибками: «Для зрителей будет подаваться (сверху приписана жирная буква р, правильной читать — продаваться) жевачка, конфеты, мороженое и прахладитильные напитки»... А вы как думали! Середина девяностых! Свободу бизнесу!

Все лето мы с Катей прыгали под скакалку, пели песни под магнитофон, танцевали и разучивали нехитрые комичные сценки из анекдотов. Игра игрой, но частенько на заборах висли мальчишки и гоготали над нашими остротами. Так родилась идея создания ансамбля песни и пляски «Стрекоза». И начались по вечерам наши «стрекозиные» концерты. Между песенками и танцевальными номерами мы разносили нашим зрителям конфеты «Чупа-чупс» и «Сникерсы», жвачку и мороженое, по стаканам разливали морс из прошлогоднего варенья. Во дворе у нас собиралось достаточно народу, чтобы ворота вообще не закрывались. А дедушка как-то вышел из чуланчика и всерьез удивился нашей популярности, после чего смастерил из досок скамьи. Получился настоящий театр под открытым небом. О наших концертах прослышали в соседних дворах, и стали к нам приходиться совершенно незнакомые мальчишки и девочки. И получалось — мало того, что развлекали публику, так мы с Катей еще и зарабатывали деньги на нашем буфете.

Достаточно скоро мы привыкли к выступлениям перед сверстниками и не удивлялись, когда на наши концерты они приводили своих старших братьев и сестер. Иногда в сторонке от остальных зрителей, возле самых ворот, можно было заметить одинокое присутствие старшей сестры Кати. Лишний год-другой так много значат в детских отношениях, но разница в четыре-пять может образовывать целую пропасть. И тринадцатилетняя Настя никогда раньше с нами не играла и свысока посматривала на все наши затеи. А тогда, в самые лучшие времена наших «стрекозиных» концертов, она гордо наблюдала за нами со стороны, и было заметно, как она надменно кривила тонкие губки, совершенно не в такт музыки нервно дергала коленом, но, если замечала на себе мой взгляд, или Катя прямо указывала на нее пальцем, Настя тут же с подчеркнутым равнодушием, а то и пренебрежением — удалялась.

Часто на наши концерты заглядывали и взрослые, это нас не смущало, дети приходили даже со своими родителями. Но вот как-то однажды после концерта к нам подошли трое взрослых — дяденька в галстук и две тетеньки с блокнотами в руках. Навстречу им вышел дед. Взрослые сразу признались, что они из какой-то

«администрации» и присутствовали на концерте с самого начала, очень остались довольны и хотели бы договориться с нашими родителями, чтобы нам позволили выступить в воскресенье перед ветеранами на открытой концертной площадке соседнего микрорайона.

Дед внимательно выслушал незнакомцев, проверил у них документы и озадаченно покачал головой.

— Ай, да «стрекоза и муравей», — только и произнес он.

А представитель из «администрации» взглянул на нашу афишу и кивнул женщинам:

— Записывайте: «Детский ансамбль «Стрекоза»»...

А мы с Катей даже не удивились. Наверное, глупенькие еще были. Подумаешь, гастроль! Выступали перед мальчишками, выступим и перед ветеранами.

Среди недели Катины родители «по пути» прихватили наши коробки с конфетами и мороженым. Раньше у нас с Катей все помещалось в одном пакете, и мы вдвоем ходили за «товаром» в соседний магазин. А теперь другое дело. Популярность растет, а вместе с ней и наш буфет. И тогда нам на помощь по очереди стали приходить наши родители.

И вот выгружает тетя Света из багажника наши коробки и кричит в сторону:

— Настя, Настя! Помогите девочкам!

В дверях показалась сонная Настя.

— Опять спала?

— И вовсе не спала, а читала.

— Читала она... Видишь, девочки делом занимаются, посмотри, какие оказались умницы! Коробки с конфетами в багажнике не помещаются. Отнеси мороженое в морозильник, — и протягивает коробку. — Да не отлынивай, возвращайся назад!

В присутствии Насти тетя Света на капоте разворачивает накладные с оптового рынка, подсчитывает общую сумму на калькуляторе и выдает оставшуюся разницу поровну — мне и Кате.

— Это, девочки, ваша прибыль, заслужили. Видишь, Настя, какие умницы. А ты все спишь да книжки читаешь. Взяла бы как старшая сестра и помогла с художественным руководством, зря, что ли, в музыкальной школе учишься!

— Что я им — фортепиано на улицу выкачу?

— Опять вредничаешь!

— И вовсе не вредничаю. Если бы они стали меня слушаться, я бы, конечно, упорядочила их репертуар. Добавила больше профессионализма.

— Так в чем дело? Добавь.

— Они меня слушаться не станут.

— Это почему? Катя, Таня, разве вы не хотите улучшить свою программу?

— Хотим, — вяло ответила Катя, — но Настьку нам не надо. Она все испортит.

— Видишь, видишь! — истерично воскликнула Настя и удалилась, хлопнув дверью.

— Таня, а ты что скажешь?

Я потупила голову и молчала.

— Для своего двора вы молодцы. Но вас пригласили выступить перед ветеранами, а это другой уровень. Неужели вы не хотите развиваться?

Что нам оставалось делать? Мы тупо отмалчивались.

— Ну, как знаете.

Наша затея с концертами раньше никого не волновала. Мы играли, и в наши игры никто не вмешивался. Что же случилось теперь. Просто мы не хотели, чтобы кто-то нам помешал.казалось, тему этого разговора можно было считать исчерпанной. Но вечером перед самым концертом Катя чуть не насильно за руку привела Настю.

— Таня, ты только не обижайся, но Настя нам действительно может помочь. Ну что же ты! — Оборачивается она к старшей сестре и дергает за руку. — Говори.

И Настя меня удивила: она не выдернула руки, не фыркнула, не скривила губы, а тихо так по-простому и говорит:

— У меня есть подруги по музыкальной школе, которые играют на гитаре и на скрипке. А я могу на аккордеоне. Тогда бы можно было отказаться от магнитофона, и вы бы с Катей пели под наш аккомпанемент. Получилась бы музыка живую.

— Здорово, да! — воскликнула Катя, и глаза ее, крупные, зеленые, цвета картофельной ботвы, лучились неподдельными искорками, такие разве что можно наблюдать на листьях после дождя.

Для начала Настя в тетрадку выписала всю нашу программу. Затем стала вычеркивать из репертуара «глупенькие», как она выразилась, номера, в том числе анекдотичные сценки. Готовиться следует серьезно. Все-таки другая аудитория.

— Что, что? — переспросила Катя.

— Аудитория, — повторилась Настя.

— А-а, — понимающе протянула я, и мы переглянулись с Катей.

В тот памятный вечер концерт впервые прошел скомкано. Мы путались, забывали слова песен, а Настя за занавесью, приставив ко рту ладонь, достаточно громко подсказывала нам. Из-за неудач у Кати несколько раз накатывали слезы, она краснела и сморкалась в платочек.

У меня неприятно дрожали колени и от обиды прыгали губы. Мальчишки со скамеек недовольно шумели, требовали полюбившиеся номера, но ничего не дождавшись, понемногу стали расходиться. Да в итоге еще — буфет наш остался почти нетронутым.

— Этого следовало ожидать. Ваша программа исчерпала себя. Но ничего, девочки, — очень уверенным тоном в заключение высказалась Настя. — Утром ко мне придут мои подруги с музыкальными инструментами, и мы будем репетировать. Мы им еще покажем! Как заиграет аккордеон — все сбегутся! Вот увидите! И ты, Таня, приходи на репетицию, не опаздывай. Ждать специально никого не станем!

Этих девочек я и раньше видела с Настей, когда мы играли у Кати. Очень серьезные девочки. Та черненькая, что стрижена под мальчика, назвалась Олей. Другая носила светлые косички и представилась Аней. Они достали из футляров музыкальные инструменты и стали их настраивать, вполголоса договариваясь о тональности. Настя развернула меха аккордеона и проиграла этюд из «полета шмеля».

— Ну как?

— Отлично.

Тетя Света раскрыла дверь, предварительно постучавшись, и, стараясь не мешать репетиции, осторожно внесла поднос с чашками чая и конфетами.

— Угощайтесь, девочки, — ненавязчиво произнесла она и так же тихо удалилась.

Еще во время чая три подруги принялись обсуждать будущую программу выступления. Каждая что-то предлагала из разученного, отставляла чашку, бралась за инструмент и проигрывала кусочек.

— И так далее, и так далее, — откладывая скрипку, поясняла Оля и опять усаживалась за стол.

Мы с Катей, переглядываясь, помалкивали и честно пили чай, терпеливо дожидаясь своего участия. День перевалил за вторую половину, а мы еще и рта не раскрыли. Признаться, в репетиции мы с Катей не нуждались. Выступали каждый вечер и что-нибудь привносили новенькое. Но раньше-то пели под магнитофон, а здесь музыка вживую, по нотам. Все серьезно.

— Насть, — наконец устало напомнила о себе Катя, — ну, когда мы будем петь?

— Слышали? Они петь желают? Что же вы нам споете? — И повернулась к подругам. — Послушаем, девочки?

Девочки согласились.

Мы встали на середину комнаты и запели. Пели без магнитофона и потому не очень слаженно.

— Нет, нет, так не пойдет, — остановила нас Аня и потянулась за гитарой. — Давайте подыграем им. Эта песня про айсберг из репертуара Пугачевой нам всем известна, верно?

Девочки взяли инструменты. Настя с гитаристкой Аней уселись на стульях, а скрипачка Оля оставалась на ногах, чуть выставила левую ногу в белом носочке и произвела отчет:

— И раз, два, три...

Мы запели.

— Подождите, подождите, дайте нам сделать проигрыш. И — раз, два, три...

У девочек тоже получилось не слишком дружно. И тогда скрипачка Оля отмерила интервалы смычком:

— И раз, два, три...

Конечно, мы пропустили проигрыш, и наш оркестр нестройно умолк.

— Ну, что же вы?

— Сейчас, сейчас, — пообещала я, и Катя мне в ответ закивала головой.

Едва заиграла музыка, как мы принялись танцевать и ритмично хлопать в ладоши.

— Стоп, стоп, стоп! А вот хлопать не надо, вы нас сбиваете с такта.

Мы согласно закивали головами и опять под музыку пустились в пляс. Делали все так, как привыкли на своих выступлениях, разве что не хлопали в ладоши.

Оркестр опять умолк. Что-то у Насти не заладилось с аккордеоном, и Аня звучно подкрутила струну.

— Давайте без танцев, — предложила Настя, — просто спойте и все.

— Как это без танцев?

— Танцы будем репетировать отдельно.

Хорошо. Согласились мы, раскрасневшиеся и запыхавшиеся. И запели. Но пели не долго. Аня перестала играть, а за ней и остальные.

— Они неправильно поют, — изумленно произнесла она и тряхнула косичками.

— Совершенно неправильно, — согласилась Оля. — Вы почему нас не слушаете? Давайте еще раз. Начали!

— Как это неправильно? — удивилась Катя.

— Мы всегда так поем, — твердо заявила я.

— Вы поете неправильно, — настаивала Аня. — Вот послушайте, как спою эту песню я под гитару.

И она запела, перебирая струны. В комнату заглянула тетя Света, очень довольная репетицией, улыбнулась и неслышно прикрыла за собой дверь.

В конце песни Аня заглушила струны рукой и скромно произнесла:

— Вот — примерно так, — и все, кроме нас с Катей, похлопали в ладоши.

— Мило, — высказалась Настя. — На всякий случай я запишу, что ты можешь выступить с этой песней. А у вас лучше всего получалась песня про журавликов, спойте ее.

— Мы хотим про айсберг.

Неожиданно за нас вступилась Оля:

— Хорошо, пусть поют про айсберг. Определимся на отборочном туре, — и она подняла смычок. — Катя, Таня, слушайте музыку, договорились? Приготовились...

Мы опять запели. Пели долго и даже когда наш оркестр умолк, мы продолжали петь, дружно и настойчиво, преодолевая хохот. Наши оркестранты смеялись над нами, а мы пели, взявшись за руки в крепком рукопожатии. Под конец песни голос у Кати стал дрожать, и слезы обиды выступили даже у меня.

— Все! Уморили, — задыхалась от смеха Оля.

— У вас у обеих нет слуха, как вы можете петь! — вторила ей Аня.

— Медведь на ухо наступил! — кричала Настя. — Артистки с погорелого театра!

— Не знаю как Катя, но Таня точно петь не будет! Иначе опозоримся!

Кто это сказал — сейчас не вспомнить.

На этот раз в дверях показалось испуганное лицо тети Светы. Для Кати оказалось достаточным одного появления мамы, чтобы она громко разревелась навзрыд и выбежала. Я тоже не могла сдержать слезы. Они сами катились по щекам, и внутри из-за этого становилось пусто-пусто.

Ни в этот вечер, ни на следующий — мы с Катей не давали концертов. Мы даже не виделись. Я не выходила из своей комнаты, лежала в постели, уткнувшись в стенку. Либо спала, либо смотрела на обои. Дед говорил, что наши постоянные зрители собирались каждый вечер. Потопчутся во дворе и расходятся. А потом у нас появились подражатели. Сразу в нескольких дворах образовались свои ансамбли. Но популярностью они не пользовались. То ли потому, что у них получалось хуже, то ли потому, что требовали плату за просмотр. Но как скоро они объявлялись, так скоро прекращали свое существование. А потом у детей появились первые компьютерные игры.

Наши мальчишки ходили смотреть концерт для ветеранов. Старикам особенно понравился детский ансамбль «Стрекоза». Много аплодировали. И даже Катя что-то там спела. А я с тех пор больше петь не пробовала. Люблю слушать, но сама не пою. Правда, иногда мурлычу себе под нос, когда рисую.

«Старые люди»

ВОЗВРАЩАЮСЬ осенним солнечным днем из школы по красному ковру из опавших кленовых листьев и рассуждаю. Каждому по книжке. Деду как заслуженному сталевару — «Как закалялась сталь». Папе — «Партизаны Белоруссии». Прошлым летом его забирали на какие-то военные сборы и там ему, как сам рассказывал, довелось партизанить. Маме, как начинающему предпринимателю, на все ее вздохи и ахи, чем бы таким заняться, — самая большая книжечка — «Что делать». И о Сережке подумала. Для его забывчивого школьного друга Васьки Жукова — «Воспоминания — и даже — размышления Жукова!» Вот как! Всем от меня достанется, тихо посмеиваюсь. Никого не обошла. И для себя кое-что раскопала, но об этом после. На десерт, как выражается мама. Сначала уроки. Нечего сказать, тяжела жизнь третьекласски! Взвесили бы мой рюкзак с учебниками. А сегодня еще — в каждой руке по связке печатной продукции. Это наша Надежда Михайловна все восклицала, всплескивая руками: «Ах, боже ж мой, сколько здесь брошено печатной продукции! Нет, чтобы предложить школьной библиотеке, так уж лучше бы тогда в макулатуру сдали! А они»... И строгий упрек кому-то на высоту верхних этажей. А затем давай разгребать горы, отбирая книги для макулатуры. Всем классом помогали!

Первым делом к отцу! Сидит перед холстами и о чем-то сосредоточенно думает. Но все его рассуждения обычно заканчиваются горьким сожалением: «Нет, никому сейчас не нужна живопись. Пережиток прошлого»...

А тут я с партизанской книжкой, торжественно протягиваю:

— На! Возьми! Это тебе — подарок!

— Ну-ка, ну-ка, — осторожно берет и вглядывается в название. — Что такое? Откуда это у тебя? — А в глазах изумление.

А я ликую: неужели сюрприз удался...

Тут как раз нарисовался Сережка. Умеет он подбираться вовремя. И будто нарочно, проходя мимо, небрежно заглядывается из-за плеча отца:

— А это она с помойки притащила!

— И вовсе не с помойки! — достаточно эмоционально возразила я.

— Как же, не с помойки! — издевательски хохотнул вредный Сережка. — С самой настоящей помойки и притащила. Видел я, как вы со своей бомжихой-училкой рылись в баках!

— И вовсе не в баках! Все это отдельно было сложено у забора!

— Подожди, подожди, — наконец что-то осознав, вмешался отец. — Откуда ты принесла этот «подарок»?

— С улицы, — ответила я и, услышав себя, почувствовала, как от стыда покраснела. — А чего он? Сам ничего не знает. Там и сейчас много книг. Все они рядами сложены у забора. Далеко от мусорных баков, между прочим! А если ты, Сереженька, ничего не знаешь...

— Спокойно, Таня! — Взял меня за руку отец. — Сначала успокойся и расскажи все по порядку. — А между тем книгу все-таки достаточно аккуратно отложил от себя.

— А что Сережка привязался со своей помойкой!

— В отличие от тебя, Танечка, у меня нет своей помойки!

— Хватит, Сережа! Дай ей высказаться. Так откуда, Таня, ты принесла эту книгу?

— Если бы одну книгу! — опять засмеялся Сережка. — Она целую свалку домой притаранила!

— И вовсе не свалку! — Тоже мне, старший брат выискался!

— Сергей! — предупредительно строго посмотрел на негодяя отец.

И Сережка трусливо умолк и даже что-то с особенным интересом стал разглядывать в отцовских картинах.

— Понимаешь, папа, мы возвращались с экскурсии вместе с Надеждой Михайловной, вдруг видим у забора штабелями, как кирпичи, сложены книги и журналы. Много книг!

— Много книг...

— Очень много! С наш дом!

— С наш дом...

— Полкомнаты бы заняли, точно.

— И все это рядами у забора...

— Да, рядами. А мусорные баки, конечно, недалеко, но они огорожены! Так что книги в стороне, а не на помойке. Там еще по заборам развешана одежда.

— Одежда...

— Ну да, одежда. Костюмы всякие, плащи, много пальт...

— Пальто, — поправил отец.

— Ну да, пальто. Их несколько.

— Даже во множественном числе — это все равно — пальто.

— А еще шляпы и много обуви.

— Да, видно, помер кто, — внезапно за моей спиной прозвучал печальный голос деда. — Вот родственники и развесили по заборам одежду умершего. Может, кому и сгодится. Вещи-то, должно быть, добротные. И что, внучка, много там книг-то?

— Много, дедуня...

— И ты туда же! — укоризненно покачал головой отец в сторону деда. А затем мне:

— Вот что, Таня, меня удивляет, что до сих пор тебе никто не объяснил простой истины. В мусорные баки люди сваливают отходы своей жизнедеятельности. И мне еще непонятно поведение вашей учительницы. Пусть даже книги сложены в стороне от мусорных баков! Мало ли какие вещи могут оказаться на свалке! Это процесс необратимый! Но... — и вдруг запнулся, точно удивившись обнаруженному парадоксу. — Но вот книги... Кхе. М-да. Вот что, дед, завтра поможешь своей внучке отнести все, что она принесла, обратно. Возражений нет? Вот и славненько! А ты, сорванец, чего лыбишься! Марш делать уроки!

Вместе с дедом мы стали перетягивать бечевкой, принесенные мной книги. Настроение мое было подавлено. Я принесла в дом то, что приличные люди выбрасывают на помойку. Век не отмыться. Как вдруг дед опустил со лба очки.

— А это что такое?

— А это, дедуня, альбомы с фотографиями. Это я для своего музея.

— Альбомы, говоришь...

— Да, альбомы. В них старые фотографии. Многие пожелтели от времени. Видишь, дед, видишь, какие странные люди на этих фотографиях. Бородатые дедушки, усатые дяденьки в военной форме и с саблями. А еще тетеньки в платках и деревенских одеждах. Какие-то они все странные. Я хотела их разглядеть получше. Меня больше интересуют костюмы. Хотела срисовать. Так бедно по-старому теперь не одеваются. Только в кино.

Дед молча листал страницы, всматриваясь в стертые лица с пронзительными взглядами давно ушедшего поколения. Смотрел и молчал. Вынимал отдельные фотографии, читал надписи на обороте — и молчал. Звучно сопел и молчал...

— Эти альбомы ты нашла среди книг? — только и спросил он.

— Почти с книгами. Рядом. Среди журналов.

Все так же отмалчиваясь, задумчиво закрыл альбом, к двум другим не притрагиваясь, сложил их вместе, сверху придавил принесенными книгами и поднялся.

— Утром все отнесем назад, — и ушел к себе, чем-то расстроенный.

И все бы могло благополучно забыться, но вся эта история получила продолжение вечером.

На ужин дед не вышел.

— Ну-ка, Сергей, сходи за дедом, что-то он опаздывает.

Обжигаясь горячим чаем, Сережка сделал торопливый глоток и полез из-за стола.

— А что я-то? — Но Сережкино запоздалое возражение из разряда дежурных, которые приближены к риторическим: не особо требующие объяснения.

Вскоре и дед появился. Без шуток и громких восклицаний. Прошел к столу и бухнул сверху две толстые канцелярские папки, перевязанные крест-накрест затертой тесьмой.

— Вот что я хочу сказать, — подкашливая, тихо поведал дед, усаживаясь за стол. — Судьба, именно судьба, при непосредственном участии моей внучки, вразумила меня понять одну вещь, — и замолчал, обводя всех тяжелым дедовским взглядом, от которого мурашки по коже. Вот оно как, дело касается судьбы! Какие тут шутки...

— Хорошая пауза, дед, но не тяни, выкладывай, с чем пришел, — вовремя нашелся наш папа, уловив серьезный настрой, и не сводил взгляда со своего угрюмого отца.

И тогда дед, ничего не ответив, без единого слова развязал тесьму, связывающую обе папки, после чего при полной и загадочной тишине обстоятельно извлек на свет и раскрыл перед нами два собственных альбома со старыми фотографиями.

— Такое, значит, поветрие пошло, чтобы все мы оказались сиротами без рода и без племени. Почему раньше скрывали свое родство — дело понятное, никто не хотел накликал на себя и своих близких беды. Сжигали фотографии, лишние свидетельства, а то и меняли фамилии. Понятно, время было такое. Старались забыть, кто есть кто. А теперь, значит, на то зерно всхожести...

Дед еще что-то говорил странное и непонятное. Но между тем папа, любивший и сам немного пофилософствовать, внимательно слушал, опустив глаза, и медленно вращал ложечкой в чашке с остывающим чаем. Истины выдвигались неопровержимые. Мама вышла из-за стола убирать посуду. Она терпеть не может разговоры на отвлеченные темы. Ей ничего не стоит в уме перемножить трехзначные числа, но присутствовать, а тем более принимать участие в «мужских» разговорах у нее не хватает терпения. Одна бабушка сидела и тихо покачивала головой, похоже, во всем согласная с дедом. А Сережка, представьте, исподтишка корчил мне рожи! Хорош «настоящий мужчина!» Дорогая мама, прими мои поздравления!

— Оставь посуду и сядь, — дед вскинул поверх очков строгий взгляд на мою маму и взял ее за руку. — Сядь, послушай, это и тебя касается. Я хотел сказать, это касается всех нас, — и посмотрел на каждого в отдельности. Сережка наконец присмирел. Ну, чем не пай-мальчик! Полюбуйтесь!

Мама без возражений присела на край стула, однако посуды не выпустила из рук. Вечно она не может сидеть «сложив руки». А еще приходится к людям с «пустыми руками». Такова привычка. Не все привычки бывают вредными, уверяет она.

Под шумок Сережка захотел улизнуть из-за стола. Воровато привстал с места, как вдруг дед прикрикнул на него, так что тот вздрогнул.

— Куда?

— В туалет.

— Сядь! Сядь и слушай!

Сережка с недоумением, очень похожим на испуг, вернулся за стол и с молчаливой настойчивостью стал добиваться от мамы и бабушки защиты. Но до него никому не было дела. Дед просто так не станет требовать внимания, понимать надо.

— Вот этот альбом, — старый и затертый, дед поднял перед собой и показал всем, — видите? Когда меня не станет... Слушать внимательно и не перебивать! — пресек он вялый протест нашего папы. — Так вот, когда меня не станет, этот альбом, каким бы он неказистым вам ни показался, вы сохраните. А вот этот — второй, что поновей, можете сжечь. Но не выбрасывайте вместе с моими вещами. Не хочу, чтобы память о дорогих мне людях оказалась на помойке. Никакой ценности для вас этот альбом, разумеется, не представляет. В нем фотографии моих друзей и «Почетные грамоты» с работы. Зато в первом вся наша целевая родня. В нем фотографии моих братьев и сестер, моих тетушек и дядюшек, ваши фотографии, когда вы были маленькими. Таких у вас, может, и нет вовсе! Маленькие, они все забавные. А еще здесь — внучата. Фотографии моих родителей и старшего поколения просто не сохранились. А теперь я вам покажу, кто есть кто. Подсаживайтесь поближе. Особенно это касается Сережи и Тани. Детушки, подойдите ко мне.

Мы с Сережкой подошли к деду, он привлек нас с обеих сторон перед раскрытым альбомом.

Вблизи дедов альбом ничем не отличался от тех, что я принесла с улицы. Никакой разницы в фотографиях я не увидела. Такие же

старые и пожелтевшие. Помнится, я взглянула на деда с недоумением. А бабушка покачала головой, дескать, нечего удивляться, смотри внимательно и слушай. Старые люди плохому не научат.

И дед действительно принялся вынимать фотографии из альбома, отделяя каждую из специальных уголков, и обстоятельно рассказывать, «кто есть кто», — все исполнял в точности, как перед тем обещал. Всем известно, свои обещания дед всегда выполняет. Папа, мама и бабушка предпочли подобраться к нам поближе, придвинув стулья. Фотографии стали передаваться из рук в руки. Вот когда мама наконец освободилась от посуды, но для нее ровным счетом ничего не изменилось: главное, что ее руки опять оказались заняты.

А дед вместе с нами с удовольствием всматривался в лица «старых людей» и радовался, будто долгожданной встрече.

— Перед нами жило замечательнейшее поколение умных, трудолюбивых, одаренных людей. Они прожили трудную жизнь, но посмотрите, как светятся их глаза внутренней силой, а лица отображают твердость характеров. Кем бы они ни были, но они так же, как и вы, любили, страдали, мечтали... Но главное — они жили! Понимаете ли — жили!

Мы рассматривали старые фотографии, а дед все рассказывал и рассказывал, поправляя очки, точно урок вел по истории. Кто где воевал, кто вернулся, а кто не вернулся с войны.

— Смотри, с какой еще войны, — вздыхала бабушка.

И оказалось, война была всегда, и не было таких, кто б не воевал. Даже те, кто на «карточках» без оружия, все равно воевали. Потому что оружия на всех не хватало. Между войнами кто-то поднимал колхоз, а кто-то целину. И всегда что-то строили. И здесь не у многих в руках лопата или тачка. Но любили фотографироваться большими группами, развернув транспаранты. Не все улыбаются, хоть и «ударники». Потому что хлеба тоже не хватало.

Неожиданно за стол вернулась бабушка. И когда ей удалось незаметно удалиться? И тоже раскрыла свои альбомы и торжественно надела очки. Вот, оказывается, сколько у нас родни!

И тут выяснилось, что из-за плохих условий «старые люди» раньше жили недолго и умирали чаще молодыми. И потому они заранее отпускали себе усы и бороды, а совсем еще нестарые тетьки надевали «бабушкины» сарафаны и платки.

— Это потому что государство у нас такое. Жизнь человеческая никогда ничего не стоила! — возмутилась бабушка.

— Легко во всем государство обвинять, — возразил ей дедушка, — а сами мы! Разве это государство выбросило на помойку альбомы с фотографиями родичей? Умер человек — и долгой память о нем! А вместе с ним и память обо всех остальных! И получается, это мы сами не ценим ни своей жизни, ни чужой! Лезем всегда на рожон! Под колеса, минуя пешеходные переходы! На крышу сбрасывать снег или устанавливать антенну — без всякой страховки! Пользуемся вон уютгом — без заземления в розетке! Мало примеров? А на работе? До пенсии безо всяких средств защиты! Так тебя же еще и пошлют в пекло с нарушением техники безопасности!

— А шахтеры, — внезапно вмешалась в дедушкины рассуждения бабушка.

— Что шахтеры? — изумился дедушка.

— Редкий шахтер не смертник.

— В моей родне не было шахтеров.

— В моей, положим, тоже. Но вот ты же сам и отмахнулся от нескольких тысяч живых людей. Значит, дорого нам только то, что наше. А что нас не касается, так и не касается вовсе! Вот и получается, что за жизнь человеческую — и копейки никто не дает, если это не твоя собственная или твоих близких!

— Ну, знаешь, — возмутился дед.

Мама воспользовалась перепалкой бабушки с дедушкой, взяла со стола стопку посуды и с очень серьезным выражением лица отправилась на кухню. Ей всегда лучше думается, когда она занята домашними делами.

А Сережка, ни за что не догадаетесь, выбирал тишком себе каких-то военных с саблями и тех, что возле пулемета и танка, будто никто не видел, сунул себе в карман — и только его и видел!

Папа отправился доливать себе горячего чая, и что-то задержало его возле мамы.

Мне ничего не оставалось, как пойти кормить аквариумных рыбок. Сквозь толщу воды с растениями и снующими гуппи мне было видно, как дедушка с бабушкой одни остались за столом перед развернутыми старыми альбомами. Покинутые всеми, они обменивались фотографиями, комментировали каждый снимок, вызывая друг у друга, кто кому и с какой стороны приходится родственником. Милые наши старички совсем ушли в воспоминания, и никому не было дела до них. Зато у них была общая история, история в лицах, в лицах «старых людей». И всех-то они знали по именам...

Афина

НАША АФИНА родилась в самый Новый — двухтысячный — год! Стояли страшные морозы. И по случаю всеобщего праздника день рождения щенят остался без внимания. Но когда событие все же обрело известие и получило должную «огласку», взрослые люди вынуждены были сделать трезвые выводы. К их общему сожалению, все новорожденные щенки погибли. Замерзли насмерть. Все — да не все! Все, кроме одного! И назвали этого щенка, как уже можно догадаться, Афиной! И вот, когда она чуть подросла и стала похожа на маленького медвежонка, Афины в качестве подарка принесли в брезентовом рюкзаке в наш дом. С той поры у нас появилась своя богиня.

И росла наша богиня не по дням, а по часам. В полгода она вымахала огромной кавказской овчаркой. Ей становилось тесно во дворе, и вскоре она перебралась за калитку охранять территорию всей улицы. Ложилась поперек дороги, и никто-то из незнакомцев — по ее усмотрению — не мог пройти мимо. А тем более на велосипеде. Лучше не пробовать. Машины — так те просто, помучившись, разворачивались и искали пути объезда. На Афины стали жаловаться соседи. Очень уж она имела решительный, если не сказать — грозный, по-кавказски устрашающий вид. Но удержать ее во дворе не имелось никаких сил, известных в природе. Кроме, разумеется, физических. И после того, как несколько раз она загоняла к нам во двор чужих коз, а однажды в клочья разорвала сумку одной легкомысленной особы, решившейся запросто отмахнуться от нашей Афины, да вот еще как-то испробовав на вкус известного на всю округу п्याницу, — Афины со всей строгостью посадили на цепь. И всего-то за то, что она слегка надкусила этого дебошира! Зато сколько фыркала и отплевывалась! Где справедливость? Кто ей посочувствует? И затосковала наша Афина — век воли не видать! Положит лохматую голову на передние лапы и только глазами водит за надоедливими мухами. А в глазах — темных и печальных — столько жалости к себе и обиды на хозяев за искусным, напускным равнодушием! Ладно бы за дело на цепь! А тут-то за что? Подумаешь, коз согнала со всей округи. На то она и пастушья собака! Понимать надо! Ведь она проявила инициативу, хотела, как лучше. А что вместо благодарности? И пожаловаться некому. Лежишь и задаешься справедливым вопросом: а судьи — кто?

Лес у нас за мостом через речку. Вернее — дубовый парк. Старый и заросший орешником.

Потому и зовется лесом. Так вот — в этом лесу обычно прогуливали Афины. Спускали с поводка, и она на радостях, обретая свободу, бегала, резвилась, как ей вздумается, гоняла белок, а зимой из-под снега доставала мышей. Охотилась. Возвращаясь домой, подбегала сама, позволяя пристегнуть к ошейнику поводок. И степенно шла по улице, не обращая внимания на рвущихся с цепей дворовых собак. После прогулки ее кормили. Таков порядок. Но иногда этот порядок нарушался. Некому было прогуливать Афины. По разным причинам прогулки отменялись неделями. И тогда Афина встречала тебя жгучими, горячими глазами. Ну, скоро ли! Или вам опять некогда! Помните, вы в ответе за тех, кого приручили!

Не дождавшись понимания и взаимности, Афина стала наглядными поступками доказывать, что свободу ценит больше регулярной кормежки.

Со временем она научилась разными способами освобождаться от ошейника. И тогда — поверьте — гуляла вволюшку! И ведь что делала ради свободы. Натягивала цепь, и ошейник сам слетал с головы. В другой раз изловчится и, выкручивая голову из стороны в сторону, стягивала с себя надоедливый ошейник, пусть даже и красивый по некоторым понятиям, кожаный. Да и на цепь-то ее не сразу посадили. Сначала на веревку, пока она не повадилась перегрызать ее. А еще сама видела, как Афина задней лапой приучилась раскручивать гайку карабина. И тогда уже гуляла с ошейником вполне домашней собакой на законных основаниях. С особой легкостью перемахивала полтораметровый забор, и была такова! В эти дни загнать ее домой не удавалось сутками. Будет лежать на дороге пусть голодная, но свободная! И никого-то к себе не подпустит. Достаточно к ней выйти с миской, как она убегает, опасливо оборачиваясь. Не последует ли погоня. А затем вернется на прежнее место. И опять ее обходят стороной, а машины благоразумно разворачиваются. С Афиной не поспоришь. Та еще упрямец. Соседи к ней привыкли и даже подкармливали. Но если забывали, она сама добывала себе пропитание. И тогда приходилось расплачиваться за соседских кур.

16 февраля, на девятом году жизни, Афина сделала нашей маме волшебный подарок прямо ко дню рождения. Старушка принесла четырех разномастных щенят. И выглядела очень гордой за результат своего последнего загула. Лежала на снегу и облизывала мокрые комочки, а те пищали и ворочались в разные стороны, расплазаясь.

Ничего не поделаешь, в самый разгар праздника при скоплении гостей Афины вместе с ее детенышами перенесли в дом. А чтобы на радостях она не шарахалась по комнатам, припоминая свое детство, ее привязали к батарее отопления, а лежанку устроили под лестницей.

За всей возней с переселением Афины с подоконника наблюдал Котенок. Заглядывает то на улицу, то в дом. Будучи взрослым котом, он с особым любопытством воспринял появление новых, писклявых квартирантов. Давно ли сам таким был, а эти и вовсе слепые кутята. Беспомощные и жалкие. И поведение Афины — мало сказать — загадочно. Чтобы лучше во всем разобраться, перебрался поближе, уселся на ступеньке и свешивается сверху на то, что происходит под лестницей. А там безобразие. Афине, похоже, надоели ее собственные малыши, и она сбежала от них в дальний угол. Хороша мамаша. Лежит возле батареи, высунув язык, и радуется теплу и сытости в одиночестве. А на малышей и не смотрит вовсе! Будто не они пищат, расплываясь в поисках мамы. А может, Афина после родов оглохла и ничего не слышит? Котенок в замешательстве. Тогда и ослепла, наверное. Надо бы ей помочь.

Котенок спрыгнул вниз и застыл в раздумье перед слепыми кутятами. Что бы такое предпринять? Думал, думал — и придумал. Приблизился к одному щенку и давай короткими движениями лап, будто играя с мышкой, осторожно направлять щенка к Афине. А той хоть бы хны! Лежит себе и слюнки роняет с алого языка, принюхивается к домашним запахам. Но малышка подпустила к себе. Тогда Котенок одного за другим подогнал к ней других. И воцарилась тишина. Щенки припали к сосцам и, успокоенные, задремали. А кот уселся рядом и наблюдает, довольный собой. Вот и побежали короткие минутки семейного счастья.

Но стоило кому пройти мимо или приблизиться из любопытства, как вдруг Афина вскакивала на лапы, дожидаясь угощения, а присосавшиеся детеныши звучно падали на деревянный пол, будто созревшие плоды, оживали беспокойными комочками, и гомон поднимался нестерпимый.

Ай да Афина! Ну и ну! Но чтобы неповадно было, никакого угощения, разумеется, Афина не получала. Сама успокоится, но обязательно переменит место, и щенки снова в замешательстве, где искать маму? Ладно, на выручку приходит Котенок. Знает, как лучше всего управиться с малышами, приладит каждого к беспутной мамаше и усядется рядом охранять покой и порядок. И даже спать лег на ночь ря-

дом, загораживая малышам возможность сослепу потеряться.

День за днем Котенок не отходит от щенков. Сделался им настоящей нянькой. Афина от щенков, Котенок играючи соберет всех возле Афины. Афина в дальний угол — Котенок тут как тут! И так день за днем...

И вот, наконец, пришло время прозреть щенкам! Вот когда они обнаружили, кто о них по-настоящему заботился в самое трудное время после рождения. Мама, конечно, есть мама, вон какая огромная и лохматая, честь и хвала ей, она их вскормила. Но заботился-то о них совсем другой, гладкий и полосатый. Это от него исходило успокаивающее рокотание — мрр-мрр-мрр! Это его мягкие подушечки лап ощущали на себе малыши, его острый язычок умывал их по утрам. А кто согревал их спинки собственным теплом? Все он, полосатый нянька! Заботливый и верный. Ни на шаг от них не отходил. Окружал заботой и любовью.

Щенки подрастали. Выучились есть самостоятельно, но и Афины не оставляли в покое, тянули молоко справно. Этакие колобочки на коротких ножках с подвижными хвостиками. Из-за того, что щенки родились беспородными, ушки им оставили, не стали купировать. И эти самые ушки придавали мордашкам забавный вид. Посмотришь издали — и будто щенки игрушечные, плюшевые. А Котенку и в радость, что малыши подросли. Так и не отходит от них. Ест с ними из одной миски, весь день впятером возятся в игрищах и на ночь укладываются вповалку отдельно от Афины. Кот между ними.

Известно, что время работает на малышей. Кот каким был, таким и остался, а щенков не узнать. Выросли больше Котенка. Навалятся на него гурьбой и давай тузить! Котенок изворачивается, отбивается задними лапами, да вдруг вырвется и припустит наутек. Щенки за ним, не отстают. Так и носятся по дому, рычат и кувыркаются. Афина лежит поодаль и наблюдает, довольная. Теперь и для нее щенки не чужие, когда подросли. Возможно, себя узнает в них. Возможно, жалеет, что выжила одна, без братиков и сестриц. И няньки у нее не было такого, как Котенок. А ведь хороший нянька, кто бы подумал! Неужели животным известна человеческая пословица о том, что долг платежом красен! Вот бы и люди так поступали, как животные, по-человечески! Может, и не было бы в нашем обществе бездомных и беспризорных. А только и животные учатся у людей. Потому и Афина оказалась такой непутевой матерью... Да и сама-то она случайно выжила. Ее ли винить...

Следует напомнить, что при рождении щенят присутствовали мамы гости. Уже тогда на радостях распределили всех щенков. Кому-то еще и не досталось. Сначала позванивали, справлялись, растут ли их щенки, а потом — как и водится — забыли. И щенки подросли, а никто-то не спешил приезжать за ними. Из всех четверых забрали одного. Для кого-то детство закончилось раньше, чем для других. Да и тех осталось трое. И наш встревоженный кот. Играет, играет со щенками, да вдруг встанет и смотрит по сторонам — куда подевался четвертый?

Через неделю забрали сразу двух. И остался самый красивый, очень похожий на белого медвежонка. Его и с рождения называли Мишкой. Отличался от других тем, что родился совершенно белым. А коту невдомек, что происходит. Хватился, нет щенков, только один Мишка. Пошел по комнатам искать. Ходит, зовет их. Вернулся к Мишке озабоченный. Мяу? И смотрит на нас. Куда исчезают друзья? Не знаете? И жалко было Котенка. Видел бы кто его таким растерянным.

Как и прежде — Котенок и Мишка играли вместе. Ели из одной миски, спали, положив головы один на другого. Афина давно перекочевала на улицу, а Котенок с Мишкой продолжали жить под лестницей. Но однажды пришли за Мишкой. Я его хотела оставить себе, но две собаки для одного дома — слишком много. Да и Афина стала подзабывать своего детеныша. Накинулась на него, чуть он подбежал к ней. Решено было отдать Мишку в хорошие руки.

И жаль было Мишку, но еще больше я пожалела Котенка. Оставшись один, он, потерянный, ходил по комнатам, мяучил, разыскивая своих воспитанников. А потом подошел ко мне, поднял округленные глаза и о чем-то своем, кошачьем, понятном только животным, жалобно спрашивал и спрашивал.

А я подумала, вот если случится, что когда-нибудь у меня заберут Афины или Котенка, я тоже буду ходить по городу и разыскивать их.

Гараж

В ВЫХОДНЫЕ ДНИ мама у нас становилась невыносимой. Она требовала от папы, чтобы он хоть раз в жизни поступил достойно, как подобает настоящему мужчине. И папе ничего не оставалось, как подчиниться требованиям и уподобиться неким маминым представлениям о поведении настоящего мужчины. Настоящий

мужчина бросал все свои дела и по единственному женскому капризу отыскивал безнадежно потерянную рулетку, а затем отправлялся планировать участок под гараж для маминей машины. Машины у мамы еще не было. Да и сама мама только проходила курсы, и готовилась получать права в недалеком будущем. Но место под гараж выбрала загодя, чтобы потом локти не кусать.

В настоящее время это место по недоразумению занимал старый дровяной сарай. Дров в нем отродясь не было, а вот для чего он глаза мозолит — не смогут угадать умники, пожалуй, ни на одной из викторин. Разве только, чтобы хранить всякий ненужный хлам. А чего его хранить? Что за ценность такая? Ладно бы под проценты. «А так — заодно и порядок наведем!» Как будто оправдывалась мама.

С самого утра родители возле старого сарая растягивают рулетку, заносят размеры на листок бумаги и спорят. Папа утверждает, что нет никакой необходимости торопиться, никто за нами не гонится. Да и других дел невпроворот. А мама требовала немедленно разобрать сарай и приступить к строительству гаража. И если кого-то уже давно настигла и грызет хроническая лень, тогда она сама готова ломать и крушить все направо и налево! «Сломать не долго, — возражал папа. — Но лучше сначала подготовиться к строительству. Закупить цемент, кирпич. Привезти песок, гравий». Но мама и слушать ничего не желала. «Чем раньше ломаем, тем быстрее построим. А ждать, пока кто-то соизволит раскататься — жизни не хватит. Только сегодня и сейчас!»

Почувяв перемены, к заборчику вышел сосед Митрич в тапочках и обвислых панталонах, заправленных в шерстяные носки. Наш сарай давно ему свет застит, вот он и вышел полюбопытствовать, уж не собираются ли ломать рухлядь? Если что, он и помочь готов.

Мама ответила, что собираются ломать, но тут же добавила, что для нашего соседа это мероприятие ровным счетом ничего не изменит. Точь-в-точь, как наша учительница, дескать, ученье — свет, а неученье — тьма. Раньше нужно было соображать, стоило ли сооружать пристрой, с видом на наш сарай.

— А теперь здесь гараж будет стоять!

— Шутите? — не поверил сосед.

Пока мама с папой шутки шутили с соседом, дед приставил деревянную лестницу и взобрался на крышу сарая с гвоздодером. Недолго думая, поддел первый попавшийся гвоздь, и он противно завизжал по-птичьи, выползая из доски. Нечаянный птичий крик на

всю округу привлек внимание шутников и спорщиков. Дальнейшие пересуды потеряли всякий смысл.

Мама ликовала. «Если проявить характер, то в жизни можно всего добиться». Так обычно она любила приговаривать. А посрамленный папа молчком принимал доски с крыши и не отвечал на шуточки деда. А затем и сам вооружился топором и обухом отбивал горбыль от перекладин. Темные от старости доски складывали в сторонке, а затем отгаскивали в глубину двора, поближе к бане.

— Вот и дровишки прибыли, — вышла на крыльцо бабушка.

— Хоть какая-то польза от вашего сарая, — добавила мама с тем особенным горделивым видом, который сам за себя говорил: и что бы вы делали без меня...

Так дровяной сарай под старость и сам сгодился на дрова.

А сосед, хоть и обещал свою помощь, но едва вынесли инструменты, куда-то запропастился, и уже из собственного окна до самого вечера украдкой наблюдал за работой.

Сарай разобрали до голого, лишенного всякой растительности основания, и только труха дополнительно указывала на то место, где еще утром стояло недоразумение, с которым приходилось считаться: мимо не пройдешь, чтобы не обойти. А теперь пустошь, отграниченная лопухами да крапивой. Глаз свободно постигает пространство, ни на чем не задерживаясь. И сосед повеселел. Ходит под своими окнами, ломает верхушки разросшегося кустарника и не может налюбоваться открывшемуся виду на улицу. И кому понадобилась вторая машина?

Вечером всей семьей собрались за кухонным столом. Взрослые обсуждали проект будущего гаража, а мы, дети, во все совали свой нос, как это делала какая-то глупая Варвара, которой на базаре нос оторвали.

Папа с линейкой и карандашом в руках вычерчивал на ватманской бумаге проект, прихлебывал горячий чай и требовал, чтобы к нему не лезли под горячую руку с глупостью. А еще он ругал каждую отдельно взятую ячейку общества в большой и бестолковой стране советов. Меньше бы советовались, может, и не развалились бы. Не зря умные люди выдвигали требования — больше трех не скопляться. А нас шестеро — и советы даем, кто во что горазд. Бабушка, например, настаивала, чтобы обязательно заложили новый погреб. Просторный и сухой. Дедушка просил выделить уголок для верстака и небольшого станочка. Се-

режка на полном серьезе задавался вопросом, а куда это он будет заезжать на своем велосипеде? И я молодец, заговариваю зубы папе, чтобы он нашел местечко для кукольной коляски. А вот о маминой машине почему-то никто не вспоминал. И мама в другой бы раз обиделась, а тут проявила стойкость. Отвечает всем по-человечески:

— Желаете новый погреб? Отлично. А еще смотровую яму — замечательно. Как нам обойтись без ямы. Яму в первую очередь. И верстачок со станочком пристроим. Только помогите построить гараж! Очень вас прошу!

— Хорошо, хорошо, — деловито за всех отвечал дед. — Построим! Всем миром навалимся и построим!

Мама для видимости успокаивалась и пристраивалась с чашкой чая напротив папы. Всегда так поступает, чтобы он был у нее на глазах.

— Через две недели получаю права, — вслух рассуждала мама, загибая пальцы. — Через месяц построим гараж. А там — купим машину и своим ходом поедem на Алтай!

— Ура! — закричали мы с Сережкой.

Затяя с новым гаражом нам начинала нравиться. Неужели поедem к другой бабушке на Алтай! Вот так новость!

К концу вечера папа представил готовый проект. Здесь было все. Погреб под гаражом. Смотровая яма со ступеньками на одном конце и дверью в погреб — на другом. Наверху сам гараж — просторный и вместительный. Настолько просторный, что кроме машины в нем свободно могут разместиться рабочие столы и верстаки. Во всю заднюю стенку — стеллаж. Под стеллажом достаточно пространства не только для садовой тележки и кукольной коляски. Туда можно запихнуть чего угодно. Если угодно — дедушкину резиновую лодку, весла, сапоги, удочки, спиннинги, котелок, мангал, коптильню, лопаты, грабли, ведра. Сбоку на стене — кронштейны для велосипедов.

— И для моего? — заволновался Сережка.

— И для твоего, — успокоили его.

— Замечательно! — Поднялась со своего места мама.

— Завтра же с утра приступаем к работе! — И потерла ладонь об ладонь.

Так она всегда делает, когда руки чешутся по настоящему делу. Вечер завершили игрой в карты, и дедушка оставил папу с погонами. Эти погоны имели скрытый намек и обрели смысл позже...

Сразу после завтрака все высыпали на улицу. Стояло солнечное, ясное утро. У дедушки уже были заготовлены колышки. Это его топор

тыюкал возле бани, пока мы второпях обжигались чаем. Дедушка сбросил колышки, будто поленницу, на пустошь старого сарая и достал из кармана курточки моток бечевки. Папа с мамой растянули рулетку и принялись отмерять положенные метры по проекту. Сам проект в развернутом виде лежал на траве, придавленный обломком кирпича. Как раз в этот момент возле заборчика объявился наш сосед Митрич. «Бог в помощь». Поздоровался он со старшими. А я поймала себя на мысли, что когда-то это уже было. Да не иначе, как прошлым утром. Тогда тоже — едва папа с мамой растянули погонные метры, как обнаружился Митрич с тем же приветствием. Прав был дедушка, нюх у нашего соседа необыкновенный.

— Не иначе все же решили гараж строить? — осведомился он с наигранной печалью в голосе. — Надо бы сверяться с гороскопом. Сегодня не самый удачный день для начала строительства.

— А мы в гороскопы не верим, — за всех ответил дед.

— Как знать, как знать, — настаивал сосед.

Дедушка и раньше говорил, что не любит, когда ему каркают под руку, а теперь и вовсе с особым усердием принялся обухом топора вколачивать колышки в землю. Подвернись ему сосед под руку — и того бы вогнал по самые уши. Папа с мамой между колышками натягивали шпагат, а мы с Сережкой рулеткой проверяли диагонали получившегося прямоугольника. Казалось бы — одна бабушка была не у дел, но и она возле садового столика хлопотала у самовара. Заботилась обо всех нас. Вот и получилось, если дед сказал, всем миром построим гараж, значит, точно построим! И непременно всем миром! Вот и нам с Сережкой нравилось играть в помощников. И все-то у нас получалось толково, как у взрослых. Дед скомандовал: «По порядку номеров — рассчитайся!» И когда мы рассчитались, каждому нашлась отдельная работа. Я бойко выкрикивала результаты замеров, а дедушка поправлял угловые колышки. Пока прямоугольник не оказался идеально правильным.

И лишь одинокая фигура Митрича за заборчиком смотрелась лишней. И никто с ним не считался. Он бы мог обидеться и уйти, но вместо этого принялся вскапывать грядки. Лопатит землю напротив и прислушивается к разговорам взрослых. Но, правда, не вмешивается. Проявляет такт. Действительно, сосед у нас замечательный, слова лишнего не скажет.

Когда с планировкой было покончено, все мы удовлетворенно любовались результатом

коллективного труда. Но что делать дальше — никто не знал. Мама принесла лопаты и на своем примере отчаянно принялась копать. Но ее подняли на смех. Разве можно выкопать погреб под будущим гаражом вручную? Тут необходим экскаватор. «Представить только, — снисходительно поднимает ладони дед и покачивает ими, — семь погонных метров умножаем на пять. Полученный результат еще раз умножаем на два метра, двадцать сантиметров!»

Мама машинально выпаливает с ходу:

— Семьдесят семь!

— О! — Поднимает палец дед. — Семьдесят семь кубических метров грунта! Лопатами, конечно, тоже можно поднять. Да ведь не Беломорканал строим, а собственный гараж. Здесь без экскаватора не обойтись.

— С понедельника будем искать экскаватор, — слишком быстро согласился папа. — А пока, — и неопределенно пожал плечами. — Может, партейку в шахматы?

— Ясно! — только и сказала мама. Она отрянула ладонь об ладонь и до самого вечера в одиночестве мотыжила грядки и отмалчивалась. Ясность требует сосредоточенности!

Мы с Сережкой и бабушкой ждали экскаватор в понедельник. Потом во вторник. Выглядывали в окно, издали заслышав тарахтение «москвича» или «запорожца». Но экскаватор не появился ни в среду, ни в четверг и ни в пятницу. Он вообще не желал рыть землю, если этой земли оказывалось 77 кубических метров. Видимо, это число имело какое-то магическое значение. У дедушки по рыбацкому календарю пошел лец, и он всеми днями пропадал на Волге. А спланированным участком под гараж из своего окна по-настоящему любовался один наш сосед. Мама в сторону сиротливых колышек даже головы не поворачивала. А потом ей некогда. У нее приближались экзамены по вождению. Курсы заканчивались, и она могла не успеть обсудить со своей соседкой по парте всякую всячину. Это мы с папой заезжали на курсы и наблюдали нашу маму и ее соседку в окно. «Вот так наша мама учится, — вслух обмолвился папа. — Что ж, посмотрим, как она поедет на Алтай».

Но однажды у нас во дворе точно зарокотал экскаватор. Мы с Сережкой выбежали во двор и увидели, как наша мама подманивает рукой небольшой колесный трактор «Беларусь» с поджатым сзади ковшом. «Сюда, сюда». Трактор сердито рычит, но выполняет команды, точно хищник в цирке перед дрессировщиком.

Со знанием дела тракторист в кепке развернулся к спланированному участку, расправил

«лапы» трактора и начал железным ковшом рыть землю. Захлебывается, рычит, испускает сизый дым, но роет, роет! Отваливает землю сбоку и с новой силой вгрызается в грунт. И как такое событие могло обойтись без соседа. Выбежал заспанный, с помятым лицом, бежит под своими окнами, руками машет, боится, что завалит дом. А гора влажной глины росла на глазах. Равно как и яма. Права оказалась наша учительница: если в одном месте убудет, то в другом обязательно прибудет!

Папа вернулся с работы и встал перед воротами. Будто на выставке любуется картиной. Маленький синенький экскаватор почти полностью завалил себя огромной горой глины и сам чуть не съезжает в ту яму, которую вырыл, правда, не для себя. Папа молча обошел котлован, оценил глубину, на глазок измерил гору выросшей глины, за которой едва выглядывала соседская крыша, и с удивлением смотрел на маму, как та деловито рассчитывается с трактористом. «Без меня ничего не можете сделать», — только и сказала она, проходя мимо. Тракторок выехал за ворота, и сизый дымок поплыл над верхушками сирени вдоль улицы. А мы, дети, с особенным восторгом лепили из свежей глины всякую всячину! Будто пластилина в жизни не видели.

— Дело сделано! — не без гордости отчитывалась мама.

А папа с дедушкой ходили вокруг ямы и пожимали плечами.

— А с глиной что теперь делать? Завалили пол-огорода...

— Так надо было грузовик подогнать вместе с экскаватором! — почему-то на папу сердился дед.

Тут и сосед объявился с претензиями.

— Так не годится! — упрямо мотал он головой. — А если дождь, и глина поплывет?

— Ясно, что поплывет, — согласился дед.

— Исправим, — клятвенно пообещал папа и приложил ладонь к груди.

— Я, конечно, уважаю Елену Ивановну, но и вы войдите в мое положение, — продолжал канючить сосед Митрич.

— Не беспокойтесь, все исправим, — опять пообещал папа.

Наш папа во всем учится у своего отца, моего дедушки. Если пообещал чего, то расшибется, но исполнит обещание непременно. Так и случилось. Не далее как на следующий вечер к нам во двор заехал самосвал и встал напротив возвышавшейся горы подсыхающей глины. Следом вполз красный большой экскаватор. Один экскаватор едва успевал загружать два грузовика, сменяющие один другого. Но как бы

там ни было, через три часа от огромной глиняной горы осталось рыжее пятно на ровном месте.

Тут бы и фундамент бетонировать, но вскоре зарядили дожди — и как оказалось — на все лето. Котлован наполнился водой и напомнил собой небольшой садовый прудик. Не скрывал своего удовольствия один сосед Митрич. «Так бы и сказали, что пруд, а то заладили — гараж да гараж!» И без тени усмешки предлагал деду запустить в водоем малька карпа. Но дед отшил его вместе с мальками, а прудик на всякий случай огородил. Чтобы кто не свалился в него.

Затяжные дожди испортили все планы со строительством. Мама получила права, но с покупкой машины решили повременить, и потому поехали на Алтай на папиной машине. А котлован под гараж так и простоял все лето под водой. Вскоре в нем завелись дафнии, головастики и мелкие лягушата. А еще пропасть комаров...

У бабушки на кухне

ПРОСЫПАЮСЬ НИ СВЕТ ни заря, и, представьте, спать совершенно не хочется. А почему? А потому что лето! Каникулы! Вот ведь радость какая! В раскрытую форточку врывается вздох птичий щебет и мощный запах цветущей под окном сирени. Как можно спать! Но раньше меня проснулись пять белых мышат. Их старенький аквариум первым на подоконнике встречает рассветное солнце. И, похоже, это именно они разбудили меня своей мышинной возней. Копоятся в опилках, пищат на радостях. Будто не мне, а им приходилось весь год таскать за собой рюкзак с учебниками. Представляю, как бы это у них получалось. Запрягутся впятером в один рюкзак и тянут-потянут в разные стороны. И только розовые хвостики червячками виляют. А каково мне? Шесть лет таскать эту лямку. Вот и не пищите, пожалуйста, это мой праздник!

Умылась, оделась и спешу к бабушке на кухню. Но не забываю о мерах предосторожности. Плотно прикрываю дверь в свою комнату. До щелчка в замке. И другим наказываю, не забывать. Помните, этой оплошности только и дожидается ваш хитрющий кот Базилька! А дедушка снисходительно посмеивается. «Не бойся, внучка, он старый и ленивый. Где ему охотиться»... Старый — не старый, но аккуратно дежурит возле моей двери. Жулик! Прикидывается протачком! Знаю я все его хитрости!

Самое уютное место в доме — у бабушке на кухне. Ранним утром солнечные лучи прямым попаданием пробиваются сквозь оконные переплеты и расцвечивают стены яркими лоскутами, напоминая старое бабушкино одеяло. Это уже позже, среди дня солнечный свет краем дотягивается до обеденного стола, покрывая его золотистой скатертью. Но утром вся кухня празднично светится, наряженная восходящим светилом. И радостно на душе. Любая деталь, мелкий штришок, каждый пустячок поднимает настроение! Вот забавная стайка воробьев слетелась на яблоню, чирикают и заглядывают в окно, покачивая хвостиками. Неужели их привлекли монотонно буравящие оконные стекла пара-тройка летних мух? А тут еще упрямо стучится на волю рассерженная пчела, соблазнившаяся сладким угощением на столе. Но, к ее неудовольствию, стеклянная вазочка с медом прикрыта крышечкой. Но запах-то сводит с ума. Да что там пчела! На самом деле — потяни носом, как вкусно пахнет от плиты! Бабушка оборачивается на шаги и удивляется мне:

— Танечка? Чего спозаранку встала? Ладно бы в школу.

— Бабушка, а чем таким вкусным пахнет?

— Не видишь, блины пеку. Никак проголодалась?

А мне приятно само присутствие на кухне. Аппетитный запах блинов, разогретого масла, деловитая суетливость бабушки. Подхожу ближе и вижу, что на моем месте развалился огромный лохматый кот Базилька. Вообще-то правильной — Василий. Но после того, как в уличной драке он повредил глаз, в шутку его стали называть Базилио. Ну, а я — Базилькой. Тогда еще у меня не было своего котенка... Каюсь.

— Не тронь, пусть спит. Совсем старый стал. Спит и спит целыми днями.

— Сколько помню, он всегда спит.

— Вот и пусть спит. А ты садись рядом.

Я, конечно, усаживаюсь за стол и поглядываю на бабушку, похоже, она не уловила моей иронии. Сколько помню, Базилька действительно всегда создавал наилучшее впечатление, будто ему нет дела до вас, и он крепко спит. Но стоило отвернуться, как происходили самые невероятные события. И бабушка тому не единственный свидетель. Кто-кто, а сама бабушка не однажды рассказывала истории про то, как Базилька втихую таскал у нее продукты из-под носа. И куда исчезал дедушкин улов из брезентового рюкзака после рыбалки, тоже не секрет. А все он, все Базилька! Зато как умело прикидывается спящим! Настоящий талант, чем не

артист! Вот и сейчас, случайно ли, что на кухне дрыхнет! Я думаю, нет.

У-у! Полушутя погрозила пальцем, а бабушка, глядя на меня, укоризненно покачала головой. Не строжись на него, внучка, он безобидный. Но мне ли не помнить, как он обманул меня! А ведь тоже прикидывался спящим. Только я тогда была слишком маленькой, чтобы понимать его хитрости.

Еще в школу не ходила, когда мы с Сережкой и моей подругой Катей отправились исследовать бесконечность нашей улицы, а дойдя до края, с удивлением обнаружили инкубатор. Все хорошее заканчивается инкубатором, — объяснил нам Сережка. Ему тогда шел одиннадцатый год, и он у нас был за старшего. Мы ему поверили. Во дворе инкубатора змеилась пестрая очередь покупателей за недельными цыплятами. Приезжали издалека со своими коробками и корзинами. Толпились перед киоском, в который то и дело рабочие подтаскивали новые ящики с инкубаторскими цыплятами. Пустые ящики громоздились рядами. Новорожденных цыплят продавали десятками, выхватывая желтые пищащие комочки из гомонящих ящичков. А мы стояли рядом, замороженные, и наблюдали. И в каждом ящичке, когда он пустел, обнаруживались затоптанные, полуживые цыплята. Их отдавали нам. Из милости. Просто так, чтобы самим не ходить лишний раз к мусорному баку. Таким образом, каждый из нас притащил домой около десятка таких заморышей. Родители отнесли к нашим питомцам с пониманием и позволили выхаживать их. Но как бы мы за ними ни ухаживали, как бы мы их ни кормили ярким солнечным желтком, как бы ни поили с ложечки, — через две недели у нас осталось в живых всего три цыпленка. Жили они в коробке из-под телевизора за закрытыми дверями веранды. Днем вместе с Сережкой мы выпускали их в парник, чтобы они могли погреться на солнышке. Ох, и бегали тогда наши цыплята за букашками между плетей огурцов! Носятся, расправив крылышки, отнимают друг у друга добычу, а рядом — ползущих букашек — будто не видят. А то выберут самое солнечное место, собьются в стайку и греются, млеют, поджав лапки. Дежурили возле парника по очереди с Сережкой. Да и родители придут, посмотрят и удивленно пожмут плечами. Никак не ожидали, что наши цыплята выживут. А они выжили и немного подросли до размера — пусть чуть меньше голубя, но все же подросли! Один черненький и два рыженьких. И совершенно ручные. А дедушка несколько раз повторил, разводя руками: «Если

дело так пойдет, придется строить курятник. Не иначе».

Вот и построили...

— Не верю я ему.

— Это кому? — удивилась бабушка.

— Базильке.

— Да ну!

— А помнишь, бабушка, как Базилька двух рыжих цыплят слопал? А ведь тоже притворялся спящим.

— Нашла о чем вспоминать.

— Я тогда только на минуту отлучилась.

Прихожу, а вместо цыплят одни перышки кругом, и пленка в парнике разодрана.

— Это когда Черныш на яблоню залетел? Как же, помню. Хороший петушок из него получился. Отменный! Да только зря ты на Базилио наговариваешь. Это все проделки рыжего Чубайса. Дедушка его и потом в парнике несколько раз заставлял. Так что наш Базилио здесь ни при чем. А цыплят он ни раньше, ни потом не трогал. Видела, подкрадывался, смотрел, но не трогал.

— Как же, не трогал. Это ты нарочно его защищаешь. Потому и не трогал, что ты наблюдала за ним. У! Хитрюга! — Опять погрозила пальцем.

— Да шут с ним, с котом. Ты мне вот что скажи, что ж ты свой огородик запустила? Зарос сорняками по пояс.

— Бабушка, это мой огород, что хочу, то и выращиваю.

— Сорняки выращиваешь. Осот да лебеду.

— Ну и пусть.

— А вот и не пусть. Если хочешь, чтобы вырос твой сладкий горошек, салат и шпинат, сорняки нужно пропалывать! Негоже, когда земля пустует. Земля должна приносить урожай. Может, это и нехорошо, что не дождалась тебя, но утречком пропалывала наш огород — и твою деляночку заодно.

— И что? — Внутренне холодея, с надеждой заглянула бабушке в глаза.

— А ничего. Очистила твой огородик от сорняков. Любо-дорого посмотреть! Красуется грядками!

Само собой получилось, что я поднялась из-за стола и двинулась к выходу.

— И правильно, сходи, посмотри. Сходи, сходи! Да так впредь и содержи огородик в порядке! Ты девочка, будь аккуратной!

Ничто уже не могло удержать меня на месте. Я выбежала на улицу с единственным желанием — убедиться, что бабушка пошутила надо мной. Ведь этот огородик специально выделили для меня и пообещали, что я вольна буду на нем

выращивать, чего захочу. Хоть бананы, хоть мандарины, хоть ананасы! А что получилось на деле! А на деле мой огородик действительно «красовался» ровными грядками, а вырванная с корнем трава жухла вдоль дорожек. Такого я не ожидала от бабушки...

Со слезами на глазах я подбирала вялые растения и безнадежно пыталась воткнуть их в грунт.

— Ах, бабушка, что же ты наделала!

Именно с этими словами, зареванная, я вернулась на кухню, протягивая на руках погибшие растения. Рядом с бабушкой уже сидел дед и листал мой учебник по истории. «Нет, все, что пишут здесь, все вранье!» — твердил он, хлопая по развороту тыльной стороной ладони. Увидев меня в таком плачевном состоянии, он удивленно поднял очки и сам встал с места.

— Что такое? Что случилось?

— Вы обещали, — твердила я сквозь слезы, — вы обещали, что выделите мне огородик в полное мое распоряжение, а сами...

Бабушка с дедушкой перепугались не на шутку. Стали меня успокаивать, а главное, доказываться, чем таким могли обидеть.

— Да ведь ты, бабушка, сама того не зная, конечно, выполола редкие цветы, за которыми я охотилась у нашей зоологички. У них только-только стебельки поднялись...

— Да как же так, Танечка, — расстроено бормотала бабушка, утирая мои слезы кончиком фартука, — ведь я хотела как лучше... Вижу, сорняки. Так я их того — долой...

Своим ревом я подняла весь дом. К нам спустились обеспокоенные папа с мамой, и все вчетвером стали меня успокаивать и задабривать обещаниями, что впредь на мой огородик — ни ногой! Расти, чего захочешь. Хочешь — ананасы, хочешь — мандарины, хочешь — бананы с финиками!

Последним на кухню спустился заспанный Сережка.

— Чего расшумелись-то? Подумаешь, — и схватил со свежее испеченной стопки румяный блин.

В другой раз бабушка бы его к столу не подпустила, пока он не вымоет руки. Но все были заняты мной, и на него никто не обратил внимания. А он жевал свой блин, жевал и слушал нас. А потом вдруг сказал:

— Я-то думал, вы уже знаете.

— Чего? — насторожилась и без того расстроенная бабушка.

И все мы, умолкнув, обернулись к Сережке. И даже я перестала всхлипывать.

— Там. Наверху, — не очень определенно попыкал он в потолок очередным блином. — В общем, поднимитесь к Танькиной комнате, сами увидите.

В ожидании чего угодно — на непослушных ногах я поднялась по лестнице, а следом за мной дедушка, бабушка, папа и мама. Поднялись и встали у порога. Возле нараспашку раскрытой двери в мою комнату сидел с горделивой ухмылкой кот Базилька, а рядом перед ним акку-

ратным рядком были уложены пять придушенных белых мышат.

Завидев нас, кот самодовольно поднялся на лапы, распушил хвост и мягкой поступью обошел свой трофей, а затем опять уселся напротив и подмигнул поврежденным глазом. Все собрались?.. И кто теперь посмеет сказать, будто я старый и зря ем хлеб?.. Мрррр...

Рисунки Романа Макарова